

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(73):930.2(049.32)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИНТУИЦИЯ АЛЛАНА МЕГИЛЛА

М. П. Лантева

Рецензия на книгу американского историка по проблемам исторической эпистемологии. Анализ взглядов А. Мегилла, его аргументации в разработке теоретических и методологических аспектов исторического исследования.

Ключевые слова: память, нарратив, познание, объективность.

Московское издательство «Канон+» выпустило в свет русский перевод научной монографии американского историка А. Мегилла, посвятившего многие годы разработке проблем исторического познания с максимальным учетом его специфики [1]. Под исторической эпистемологией автор книги понимает «принципы установления правды о прошлом» [1, 460]. Поскольку А. Мегилл специализируется в области интеллектуальной истории, то научным редактором русской версии книги стала президент Российского общества интеллектуальной истории Л. П. Репина. Однако его труд представляет интерес не только для тех, кто специализируется в области интеллектуальной истории, и не только для историков, а для широкого круга гуманитариев.

Обозначив самое общее впечатление от книги А. Мегилла термином, вынесенным в название данных заметок, я хотела бы привлечь внимание к очень спорному понятию, имеющему множество значений, но, на мой взгляд, не исчерпавшему свой научный потенциал. Понятие «интеллектуальной интуиции» было предложено ещё Декартом. Оно было подхвачено Лейбницем и Спинозой, который назвал его высшим родом познания. Российский философ В. Ф. Асмус растолковывал советскому читателю, что философы имели в виду не «вчувствование» и не «откровение», а скорее теоретическое мышление [2, 17].

После того как Шеллинг отождествил интеллектуальную интуицию с интеллектуальным созерцанием, Гегель подверг это понятие такой беспощадной критике, что вплоть до возникновения «философии жизни» никто из европейских интеллектуалов не пытался серьезно настаивать на возможной роли интуиции в научном познании. Гегель буквально высмеял употребление данного термина, обвинив его сторонников в попытке считать знанием все, что кому-либо приходит в голову [2, 123].

В XX в. некоторые философские течения были весьма внимательны к возможности интуитивного познания, однако историки, включая самого А. Мегилла, очень редко прибегают к использованию данного термина. Могу признаться в том, что я привлекла это понятие исключительно по причине огромной признательности к автору и как возможность убедить читателей в невероятной научной проницательности А. Мегилла. В какой-то степени я, видимо, отождествляю понятия интуиции и проницательности, т. к. оба слова помогают мне обозначить тот несомненный факт, что автору книги удалось ответить на наиболее важные вопросы теории исторического познания. При этом А. Мегилл вовсе не претендует на формулирование какой-то новой и особенной теории. Вероятно, ему близок совет Платона, согласно которому нужно верить тем, кто ищет истину, но не доверять тем, кто утверждает, что ее нашел. В предисловии к русскому изданию он подчеркнул, что видел свою задачу в изложении «некоторой совокупности теоретических размышлений об исторической эпистемологии, а именно – о проблеме границ и условий исторического знания» [1, 6]. А введение закончил своим предположением о том, что историки «являются наиболее нетеоретичными из всех учёных [1, 90].

Кроме предисловий, введения и заключения монография содержит шесть глав. Как правило, их названия лаконичны и точны. Некоторые главы названы одним словом («Память», «Фрагментация», «Связность»), что непривычно для русского читателя, «утомленного» многословием отечественных авторов, любящих демонстрировать свою эрудицию обилием труднопроизносимых понятий. Эрудиция самого Мегилла иная: ему в полной мере свойственна научная скромность, а глав-

ное – желание воздерживаться от «окончательных» суждений и выводов. Истинный историк, по его мнению, «счастлив оставить свое суждение в пространстве между противоречивыми установками или утверждениями» [1, 72].

М. А. Кукарцева, переводчик Мегилла, полагает, что со времен И. Г. Дройзена не появлялось столь систематического изложения исторической эпистемологии [1, 30]. Сам Мегилл уверен, что поле зрения современного историка наиболее существенно расширилось благодаря культурному повороту в гуманитарном знании. В отношении же лингвистического поворота он осторожен: не может согласиться с тем, что история есть только нарратив. В главе о взаимоотношениях истории и памяти Мегилл настаивает на том, что настоящая история находится почти в оппозиции к памяти. Историография, ориентированная на память, – «это версия обыденного или вульгарного понимания истории, [она] скорее должна элиминировать память и заменить ее чем-то другим, что не так привязано к потребностям настоящего» [1, 100–101].

При этом Мегилл вовсе не оспаривает того факта, что «регистрация фактов в исторических источниках и регистрация фактов историками по этим источникам были бы невозможны без памяти» [1, 105]. Историческая память восстанавливает исторический опыт людей и преобразовывает этот опыт в нарратив. К тому же она сама может стать для историка объектом историографического внимания. Мегилл видит опасность слияния истории с памятью в том, что оно ослабляет критическую функцию исторической науки: «историк вообще должен быть больше ориентирован на критику, чем на подтверждение или догматику» [1, 129].

Согласно Мегиллу мы не помним прошлое, но осмысливаем то, что от него осталось и существует в настоящем. Здесь заметна переключка этого утверждения и взглядов Робина Коллингвуда в его «Идее истории» [3, 253–255]. Память – это образ прошлого, она субъективна, иррациональна, противоречива. А история должна быть объективной, унифицированной, упорядоченной и аргументативной [1, 165]. Настаивая на этом, Мегилл считает, что истину нарратива нужно подтверждать внешним по отношению к нему свидетельством. На мой взгляд, возникает противоречие, т. к. природа иного свидетельства опять же будет нарративна. Не случайно сам Мегилл констатирует, что «нарратив снова и снова возвращается, вновь появляясь даже в тех ситуациях, где, казалось бы, он подвергается наиболее жестким атакам» [1, 183].

Главными задачами историографии или историописания А. Мегилл называет описание, объяснение, аргументацию (обоснование) и интерпретацию. Он не считает их ступенями или этапами работы историка. Отметив, что «различие между описанием и объяснением в исторических текстах не всегда очевидно», Мегилл полагает, что некоторые нарративы весьма аналитичны [1, 247–248]. Нередко для аргументации своих воззрений он ссылается на работы историков школы «Анналов», при этом споря с ними. Так, например, отметив развитое Фюре различие между «нарративной» и «проблемно-ориентированной» историей, Мегилл утверждает неизбежность интерпретирующего измерения историописания в любом его варианте [1, 250].

Логичность и рациональность подхода Мегилла к любой проблеме не позволила ему все же избежать некоторых противоречий. Так, с одной стороны, он подозрительно относится к попыткам преодолеть дисциплинарную фрагментацию и даже усматривает в призывах к синтезу попытки навязать интерпретацию, а с другой стороны, сам же боится глубоко разрушительных последствий фрагментации [1, 256–264]. Неизбежна при этом постановка вопроса о дисциплинарных границах. Мегилл сознает трудности, которые встают перед историком, оперирующим способами аргументации других дисциплин. Мне особенно импонирует его уверенность в том, что выход из этих трудностей лежит в большем внимании к теории [1, 268]. При этом он не склонен преувеличивать теоретичность истории: он понимает локальность и ограниченность теоретических идей историка. Даже ссылается на Леопольда Ранке, полагавшего, что, начинаясь с хроники, история заканчивается размышлениями.

Не только в этой книге Мегилл выступает защитником мнения о важности теории в историческом исследовании. Приняв активное участие в очередной конференции РОИИ, он сформулировал свои представления о функциях теории. Во-первых, теория способна отсекал лишнее. Во-вторых, теория помогает «разрушить предрассудки или хотя бы показать относительный характер спорных вопросов» [4, с. 3]. В-третьих, теория служит источником разработки новых тем и подходов. Мегилл не исключает и того, что история сама может влиять на теорию.

Выступая «за пересечение границ между дисциплинами, за временное обитание в разных областях знания, за попытки говорить на другом языке», Мегилл вовсе не пытается вдохнуть новую жизнь в призыв Фернана Броделя к «тотальной» истории. Само стремление к ней кажется ему внутренне противоречивым [1, 302–304]. Не случайно он констатирует, что к началу XXI века «историческая дисциплина не объединилась, а, наоборот, распалась на множество различных направлений [1, 317].

Мегилл не смог пройти мимо такого спорного принципа науки, как объективность. Он посвящает ему специальную главу – «Объективность и рассуждения» [1, 358–437]. Поставив вопрос «Устарела ли объективность?», Мегилл полагает, что «невозможно серьезно воспринимать самонадеянную уверенность историков в способности постичь истинную суть вещей» [1, 359]. Основной трудностью для историков он считает необходимость определить для себя меру отрешенности от собственных взглядов. Объективность, по Мегиллу, не есть нейтральность, хотя и требует отрешенности от личных убеждений.

Рассуждения Мегилла по поводу объективности напомнили мне похожие идеи французского философа Поля Рикера. Он писал о «вовлеченной субъективности, вовлеченной благодаря ожидаемой объективности», ожидал, что историк «отделит хорошую субъективность» от плохой субъективности, что «история будет историей людей» и поможет читателю построить «субъективность человека вообще» [5, 36]. По мнению П. Рикера, «историк забывает о своём главном назначении, поддаваясь гипнозу ложно понятой объективности, то есть истории, где действуют одни лишь структуры, силы, институты и где нет людей и человеческих ценностей [5, 57].

В книге Мегилла нет ссылок на работы П. Рикера, но зато он вступает в спор с суждением Ницше, согласно которому объективность нарастает по мере того, как высказывается все большее количество мнений. Мегилл считает это суждение странным, поскольку при этом не учитывается возможная глупость некоторых конкурирующих точек зрения. Сам он склонен выделять несколько типов объективности: философский (абсолютный), дисциплинарный, диалектический и процедурный. Сторонники первого типа «стремятся к такому знанию, которое бы полностью отражало действительность и не испытывало ни предвзятости, ни пристрастий, ни искажений» [1, 369]. Абсолютная объективность, по Мегиллу, «предполагает божественный уровень понимания», некий идеал, лежащий за пределами человеческих возможностей, «взгляд ниоткуда» [1, 371–373].

Второй вариант объективности предполагает консенсус в конкретном исследовательском сообществе. Примерами дисциплинарных претензий на объективность Мегилл называет убеждение историков в том, что они, в отличие от социологов, способны добраться до истинного прошлого, а также убеждение литературоведов, что они, а не поэты, видят истинную суть литературы [1, 379].

Третий тип оставляет место для субъективности автора, т. к. «объекты становятся объектами в ходе взаимодействия между субъектом и объектом» [1, 370]. По словам Мегилла, «диалектическая объективность положительно относится к субъективности» [1, 384]. Выделив процедурный тип как самостоятельный вариант, Мегилл в то же время считает его особым случаем диалектической объективности. Он имеет место при имперсональном (внутриличностном) методе исследования, применяемом в религиоведении и психологии, для историка же он не может являться устойчивой ориентацией. В науке бывают ситуации, когда «истинное знание» заменяется «процедурно корректными» установками. Скептически относясь к возможности достижения конечной истины, процедурная объективность «пытается следовать букве абсолютной объективности, отрицая при этом сам ее дух» [1, 391].

Завершающая глава книги Мегилла носит публицистическое название – «Против моды дня». Тем не менее и эта глава вполне теоретична, ведь без теории, по его глубокому убеждению, историческая наука вырождается в «простое собирание фактов» [1, 393]. Мегилл выделяет четыре типа задач, стоящих сегодня перед исторической наукой: формирование идентичности конкретных личностей и групп; своеобразное проповедование для укрепления того, что он называет гражданской религией; развлечение и полезность там, где это возможно.

В этой же главе он формулирует свое отношение к виртуальной истории, выделяя в ней умеренный и неограниченный варианты. Если умеренная контрфактическая история подробно обсуждает альтернативные возможности, существовавшие в реальном прошлом, то ее неограниченный вариант пытается анализировать такие исторические последствия, которые никогда не могли воз-

никнуть. Отношение Мегилла к этому варианту полно такого же скептицизма, с каким можно было бы смотреть «на игру пятнадцатилетних подростков во Вторую мировую войну» [1, 451].

Мегилл настаивает на том, что определить ход виртуальной истории невозможно. Историк-виртуалист скорее становится писателем-беллетристом: «это не обязательно плохо, но это уже не история» [1, 452]. При этом Мегилл не отрицает того, что историкам необходимо прибегать к определенным контрфактическим рассуждениям всякий раз, когда он выясняет причинно-следственные отношения той или иной исторической ситуации. Более того, с его точки зрения, настоящий историк «есть исследователь альтернативных человеческих миров» [1, 459].

Список литературы

1. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
2. Асмус В. Ф. Очерки истории диалектики в новой философии // Асмус В. Ф. Избранные философские труды. Т. 2. М., 1971.
3. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1980.
4. Мегилл А. Роль теории в историческом исследовании и историописании // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. М., 2008.
5. Рикер П. История и истина. СПб., 2002.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2009